

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Холзода У.Х. Правовые ограничения, допустимые при избрании домашнего ареста и запрета определенных действий по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридические исследования. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.3.72602 EDN: YFWYQI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72602

Правовые ограничения, допустимые при избрании домашнего ареста и запрета определенных действий по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан

Холзода Умед Хол

ORCID: 0009-0002-3199-4426

адъюнкт, факультет адъюнктура; Санкт-Петербургский университет МВД РФ

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1, каб. 728

✉ umed_9664@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.3.72602

EDN:

YFWYQI

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Аннотация: Объектом исследования выступает система правоотношений, возникающих при избрании мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий в ходе уголовного судопроизводства по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Предметом статьи выступили теоретические представления о запретах и ограничениях при избрании мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, а также проблемы правоприменения, возникающие в следственной практики досудебного производства российского и таджикского уголовного судопроизводства. Проведенное исследование выявило тенденцию в таджикском законодательстве следовать развитию в части досудебного судопроизводства российской практике и наметившейся нехватке имеющегося перечня мер пресечения. Изучение статистических данных подтвердило эффективность избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий по

российскому законодательству. Учитывая схожесть правовых систем и последовательность развития по аналогии с российским законодательством, высказана необходимость заимствования запрета определенных действий в практику Республики Таджикистан. Системно-структурный метод позволил выявить неточности при построении системы мер пресечения в законодательстве обеих государств; сравнительно-правовой обеспечил аргументацию вывода о необходимости расширения перечня мер пресечения в законодательстве Республики Таджикистан; анализ позволил предложить совершенствование перечня ограничений и запретов, исключающих ужесточение условий по сравнению с имеющимися при заключении под стражу. Автором предложены: 1) заимствовать меру пресечения в виде запрета определенных действий в уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан; 2) конкретизировать запреты и ограничения, допустимые при домашнем аресте, позволяющие учитывать требования по степени ограничений конституционных прав; 3) расширить перечень имеющихся ограничений и запретов с тем, чтобы максимально учитывать все обстоятельства и личность подозреваемого, обвиняемого при избрании мер пресечения. Учитывая положительный опыт ограничений и запретов в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, при реформе в Республики Таджикистан института мер пресечения нужно помнить, что запреты и ограничения домашнего ареста и запрета определенных действий не должны быть сильнее по ограничениям, предусмотренным для заключения под стражу, в частности – права на ежедневные прогулки и общение с отдельной категорией лиц (близкими родственниками, адвокатами и т.д.).

Ключевые слова:

домашний арест, мера пресечения, ограничения, запрет действий, подозреваемый, обвиняемый, меры принуждения, ходатайство, процессуальное решение, должное поведение

Сфера уголовного судопроизводства, в которой проявляются публичные начала, традиционно стоит на страже интересов общества и государства. По этой причине данная сфера правоотношений связана с применением принудительных мер, которые обеспечиваются властными полномочиями соответствующих государственных органов. Круг таких мер в любом случае носит ограничительный характер с точки зрения прав тех участников уголовного процесса, в отношении которых они применяются. Тем не менее, степень таких ограничений не может носить произвольный характер и поэтому строго регламентирована нормами права как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан. В Основном законе России определено, что круг прав и свобод может подлежать ограничению только на основании специально принятого закона и только в общественно полезных целях или же для обеспечения безопасности государства (ст. 55 Конституции Российской Федерации). Аналогичное положение содержится и в ст. 14 Конституции Республики Таджикистан.

Особенно существенным образом ограничительный характер государственного принуждения в сфере уголовно-процессуальных правоотношений проявляется в институте мер пресечения, применяемых к тем участникам уголовного процесса, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. По справедливому замечанию Р.Г. Назарзода, все меры пресечения ограничивают те или иные права подозреваемых или обвиняемых [\[9, с. 77\]](#).

Меры пресечения регламентированы главой 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также главой 12 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ). Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана, как и российское, является «наследником» советской системы уголовного судопроизводства. В частности, это прямо прослеживается в УПК РТ, который как по своей структуре, так и по содержанию процессуальных норм максимально схож с УПК РФ. Это сходство просматривается и в институте мер пресечения. Если в УПК РФ таких мер восемь, то в УПК РТ их всего на одну меньше – за счет отсутствия в таджикском законе меры пресечения в виде запрета определенных действий, появившейся в России в 2018 году.

Процессуальное умаление прав подозреваемого и обвиняемого происходит за счет применения к нему запретов и ограничений, предусмотренных конкретными мерами пресечения. В то же время, понятие запретов и ограничений как структурообразующих элементов мер пресечения не определяется ни на уровне закона, ни в уголовно-процессуальной науке [\[6\]](#).

Вопросами и имеющимися проблемами правоприменения при избрании мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве занимались: Н.С. Алексеев, И.А. Антонов, В.П. Божьев, В.М. Быков, В.В. Вандышев, М.Х. Гельдибаев, Л.В. Головкин, А.П. Гуляев, П.М. Давыдов, Н.В. Жогин, З.З. Зинатуллин, К.Б. Калиновский, Э.К. Кутуев, В.С. Латыпов, О.В. Логунов, В.Т. Томин, М.С. Строгович и др.

Проблемами института мер пресечения в Республики Таджикистан занимались: И. Алимбаев, А.В. Гришин, Ш.Ф. Искандаров, П.А. Исозода, И.И. Зиеваддинов, Е.Д. Камолова, А.М. Маджитов, Н.С. Манова, С.Х. Нуритдинов, Ф. Лоуренс, К. Осмоналиев, Ю.В. Францифоров, А.Х. Хакимзода, А.И. Халимов и др.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу разграничения этих понятий, отметим, что между ними есть как общее, так и различия. Так, и запреты, и ограничения носят императивный характер и предусматривают процессуальные санкции за их нарушение. Ключевое же отличие запретов от ограничений заключается в том, что запреты предписывают воздержаться от совершения конкретных действий, а ограничения наоборот – возлагают конкретную обязанность на осуществление какой-либо активности.

В рамках настоящей статьи мы проанализируем, каким образом запреты и ограничения проявляются при применении таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, в российском и таджикском уголовно-процессуальном законодательстве с той, однако, оговоркой, что в действующем УПК РТ запрет определенных действий пока не предусматривается как самостоятельная мера пресечения, но правоприменительная практика нуждается в расширении списка возможных мер пресечения.

Домашний арест закреплен в российском уголовно-процессуальном законодательстве с 2001 года. Эта мера явилась развитием в уголовном процессе идей гуманизма. Общее содержание домашнего ареста сводится к тому, что лицо изолируется от социума, но при этом находится в условиях, которые для него привычны. Домашний арест является второй с точки зрения строгости мерой пресечения, уступая «пальму первенства» по серьезности вторжения в сферу конституционных прав уголовно преследуемого лица только заключению под стражу [\[7, с. 31\]](#). Длительное время после введения в УПК РФ случаи применения домашнего ареста были относительно немногочисленными по причине непроработанности механизма применения данной меры. Так, Ю.Ю. Ахминова

приводит статистику, согласно которой в 2005 году домашний арест был применен 518 раз [\[1, с. 48\]](#). В дальнейшем данная мера стала применяться все чаще. К примеру, согласно статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688>) в 2023 году в России она была избрана в 7407 случаях, что на 1,25% больше, чем в предыдущем, 2022 году. Что касается Республики Таджикистан, то там домашний арест как мера пресечения также появился только в действующем УПК РТ 2009 года. В предыдущем уголовно-процессуальном законе, который был принят еще в советское время – 17 августа 1961 года, такой меры предусмотрено не было.

В УПК РФ домашнему аресту посвящена ст. 107, которая в части применяемых к обвиняемому или подозреваемому запретов отсылает правоприменителя к ст. 105.1 УПК РФ. Статья 110 УПК РТ целиком посвящена домашнему аресту и отсылочных норм относительно порядка его применения не содержит, однако перечень возможных запретительных мер перечислен.

В свете интересующей нас проблематики о запретах и ограничениях анализ регламентации рассматриваемой меры пресечения по законодательству обеих стран в первую очередь привлекает внимание к понятию домашнего ареста, которое приводится в соответствующих статьях уголовно-процессуальных законов России и Таджикистана. Так, в ч. 1 ст. 107 УПК РФ говорится о том, что к лицу в рамках домашнего ареста могут быть применены запреты, в то время как в ч. 1 ст. 110 УПК РТ в аналогичной ситуации ведет речь о правоограничениях. При этом указано, что такие ограничения определяются судом, хотя по логике УПК РФ перечень запретов при домашнем аресте определяется следователем, а суд лишь дает разрешение на их применение. Актуальные вопросы правоприменения обсуждаются в юридической литературе двух государств [\[7; 8\]](#).

Согласно ч. 7 ст. 107 УПК РФ (со ссылкой на пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1), по общему правилу, к лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, могут применяться следующие виды запретов:

- вступать в коммуникацию с конкретными людьми;
- быть адресатом и отправителем сообщений или объектов, передаваемых посредством почтовых отделений связи;
- пользоваться иными средствами коммуникации, а равно сетью Интернет [\[5, с. 257\]](#).

В соответствии с ч. 8 ст. 107 УПК РФ и с учетом тяжести совершенного преступления к лицу могут быть применены либо все перечисленные запреты, либо отдельные из них.

Что касается УПК РТ, то ч. 2 ст. 110 УПК РТ предусматривает следующие правоограничения, которые могут применяться как все вместе, так и по отдельности:

- запрет покидать жилище как постоянно, так и в конкретные временные отрезки;
- запрет на пользование средствами связи, включая телефонную с почтовую связь;
- запрет на общение с определенными людьми и недопустимость их пребывания в жилище арестованного.

Эти положения, на наш взгляд, действительно представляют из себя уголовно-процессуальные запреты, так как содержат в себе предписание подозреваемому и

обвиняемому воздержаться от совершения конкретных действий. Однако иные положения, содержащиеся в той же ч. 2 ст. 110 УПК РТ, относятся уже не к запретам, а к ограничениям. Так, среди таких положений можно выделить:

- обязанность постоянно иметь при себе электронные средства контроля;
- обязанность являться в предписанное время для проверки в контрольный орган или же звонить в этот орган по телефону;
- обязанность отвечать по телефону на звонки или другие сигналы, поступающие от контролирующего органа с целью проверки.

Данные положения таджикского законодателя мы считаем относящимися к ограничениям, так как посредством них на лицо, к которому применяется домашний арест, возлагается дополнительная конкретная обязанность на осуществление каких-либо действий.

Предусмотренное абз. 6 ч. 2 ст. 110 УПК РТ осуществление наблюдения за лицом, его жилищем, а также обеспечение охраны этого жилища не относится ни к запретам, ни к ограничениям, так как субъектом реализации этой меры является не подозреваемый и обвиняемый, а органы уголовного преследования.

Принимая во внимание сказанное, представляется целесообразным разграничить правоограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 110 УПК РТ, на запреты и ограничения и с учетом этого изложить данную норму в усовершенствованной редакции. Как видится, это позволило бы улучшить юридическую технику использования понятийного аппарата в уголовно-процессуальном законе Таджикистана. Именно такой подход будет исключать принцип альтернативности при избрании меры пресечения, о возможности нарушения которого говорил еще А.Р. Белкин [\[2, с. 45\]](#).

Продолжая анализ законодательства двух государств, стоит отметить, что определенный интерес представляет и абз. 7 ч. 2 ст. 110 УПК РТ, которым предусмотрено, что при домашнем аресте могут применяться иные меры, целью которых является обеспечение надлежащего поведения лица, а равно его изоляции от общества. При этом в норме не конкретизируются эти другие меры, что позволяет сделать вывод, что они носят открытый характер [\[10, с. 153\]](#). Представляется, что такой подход законодателя является недопустимым при реализации такой меры пресечения, как домашний арест, которая существенно вторгается в сферу конституционных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию. На наш взгляд, перечень мер, посредством которых указанное лицо поражается в правах, при применении домашнего ареста должен быть категорично исчерпывающим.

Также учитывая, что так как домашний арест по степени ограничений прав и свобод расположен выше заключения под стражу, то при избрании первого не могут быть применены более жесткие запреты. Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 31 Закона РТ от 9 июня 2011 года № 164 «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» не допускается ограничивать продолжительность ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, то при избрании домашнего ареста вопрос о возможности прогулок должен быть также разрешен с учетом действующего законодательства. Тем более, что в Российской Федерации есть практика признания необоснованности запрета прогулок, признав его создающим угрозу здоровью беременной (Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Лепешкина и Шилов против России» от 11 января

2022 года).

В целом анализ мер правоограничительного характера, связанных с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста, позволяет заключить, что в УПК РФ порядок применения данной меры является более проработанным, чем в УПК РТ. В частности, ч. 1 ст. 107 УПК РФ содержит положение, согласно которому домашний арест может быть избран только тогда, когда нельзя избрать более мягкую меру пресечения. В УПК РТ такого условия нет, что свидетельствует о том, что лицо, ведущее расследование, может избрать домашний арест в любом случае, исходя из своего усмотрения.

Кроме того, в ст. 107 УПК РФ имеется норма об особенностях избрания домашнего ареста в случае нарушения здоровья подозреваемого или обвиняемого. Для таких лиц местом нахождения при домашнем аресте может быть определено учреждение здравоохранения. В УПК РТ такие нормы отсутствуют.

Также в ч. 8 ст. 107 УПК РФ регламентировано, что предусмотренные законом запреты относительно средств коммуникации не могут применяться для ситуаций, когда лицу, находящемуся под домашним арестом, необходимо связаться с медицинским учреждением, правоохранительными органами, аварийными службами или же лицом, ведущим производство по делу. В УПК РТ такие исключения тоже не предусмотрены.

В рамках данного исследования считаем необходимым остановиться более подробно и на уже упоминавшейся нами выше мере пресечения – запрете определенных действий. Как мы уже отмечали, это единственная мера пресечения, аналог которой отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан. А.Х. Хакимзода по этому поводу отмечает, что это сокращает возможности органов расследования и суда в решении задач, связанных с ограничением круга прав лица, совершившего преступление [\[12, с. 241\]](#).

В российском УПК эта мера появилась последней из предусмотренных в главе 13. Это произошло только в 2018 году с принятием Федерального закона от 18 апреля № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста», через 17 лет после принятия первоначальной редакции уголовно-процессуального закона.

Как отметит О.Д. Вастьянова, появление в УПК РФ запрета определенных действий предоставило правоприменителю задействовать при производстве по делу одновременно более одной меры пресечения, что в уголовно-процессуальной практике России произошло впервые [\[4, с. 4\]](#) и изменило подход к институту мер пресечения.

Представляется, что относительно недавно введенная мера пресечения по замыслу законодателя призвана повысить эффективность обеспечения таких конституционных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию, как, в частности, личная свобода и неприкосновенность, в сравнении с наиболее строгими мерами пресечения, которыми являются домашний арест и заключение под стражу. За время, прошедшее, со введения запрета определенных действий в УПК РФ, эта мера стала достаточно применяемой. Так, согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688>) в 2023 году суды дали свое решение на ее избрание в 4005 случаях, что на 22,9% больше аналогичного показателя 2022 года.

Текущая позиция российского законодателя в части регламентации запрета

определенных действий не выглядит безупречной. В частности, не совсем понятно почему эта мера оказалась расположенной в ст. 98 УПК РФ выше залога, хотя очевидно, что по степени ограничительного воздействия на подозреваемого и обвиняемого она является более строгой. Кроме того, относительно применяемых к лицу правоограничений не полностью урегулированными остаются вопросы сочетания запрета определенных действий и домашнего ареста. В теории и практике имеются и другие проблемы, касающиеся правовой регламентации и применения запрета определенных действий. Однако, несмотря на это, нам данная мера видится весьма эффективной – особенно с учетом приведенной выше статистики ее применения в России. Поэтому считаем необходимым предложить таджикскому законодателю рассмотреть возможность ее заимствования для включения в УПК РТ. Такая мера пресечения для таджикского законодательства видится целесообразной. Например, на практике возникают ситуации, когда избрать более строгие меры пресечения нецелесообразно с учетом личности подозреваемого, обвиняемого, его состояния здоровья или семейного положения, наличия иждивенцев, но с учетом тяжести совершенного преступления и материального положения участника избрать залог не представляется возможным, а подписки о невыезде или поручительства – недостаточно для должного поведения подозреваемого, обвиняемого. Поэтому согласны с мнением А.Б. Судницына, что запрет определенных действий, несмотря на правоприменительные сложности и противоречия, является актуальной и имеет практическую необходимость [\[11, с. 6\]](#), что и подтверждает приведенная нами выше статистика.

Приведем пример, при применении меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемый или обвиняемый в своем доме проживания или в месте, где домашний арест был определен и осуществлен судом, не должен был покидать свое место жительства. Но в случае тяжелой болезни ему по медицинским показателям может быть предложена госпитализация. В этом случае по таджикскому законодательству необходимо снова применить меру пресечения, поскольку он уже покинул дом. Иначе обстоит дело в случае мер пресечения, налагаемых запретом на действия, то есть, если подозреваемый или обвиняемый заболел и был помещен в больницу, в данном случае до завершения его лечения и выписки из больницы, мера пресечения останется в силе и вместо меры пресечения продолжается, то есть нет необходимости применять другую меру пресечения, данная мера пресечения продолжит действовать. Также расширение перечня мер пресечения позволит учитывать налагаемые на подозреваемого, обвиняемого ограничения при назначении наказания. Так как любые ограничения и запреты, налагаемые судом на участника, не признанного в установленном законом порядке виновным, должны быть учтены при вынесении окончательного итогового решения [\[3, с. 105-106\]](#).

По этой причине мы предлагаем внести изменения в ст. 110.1 УПК РТ, поскольку она аналогична мере пресечения домашний арест, и в то же время мера пресечения соответствует законодательству Республики Таджикистан. При применении такой меры пресечения, как запрет определений действий в отношении подозреваемого, обвиняемого совершившего одно из преступлений, предусмотренных ст.ст. 146, 149, 153, 153.1, 199.1, 210, 210.1, 211, 212, 217, 225, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 234.1, 237 ч. ч. 1 и 2, 237.1, 238, 239, 245, 246, 247 ч. ч. 1, 2, 253, 254, 259, 259.1, 263, 264, 265, 266, 8, 269, 270 77, 278, 294, 295, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 334, 338, 338.1, 340 УК РТ, к нему целесообразно применить меру пресечения в виде запрета определенных действий. Конечно, мы отметили, что домашний арест на практике встречается редко, но если в будущем будут внесены изменения в УПК РТ и введена

мера пресечения в виде запрета определенных действий, предварительное следствие сможет выбирать возможные меры ограничения поведения участника, позволяющего без изоляции от общества обеспечить бесконфликтное формирование доказательств, потому что в этом виде меры пресечения позволят назначить ряд запретов и ограничений, которые применяются к домашнему аресту и залогу, хотя и аналогичному, но одновременно с должными запретами в поведении и действиях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Структурообразующими элементами мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, как и других мер пресечения по уголовно-процессуальному законодательству России и Республики Таджикистан, являются запреты и ограничения прав подозреваемого и обвиняемого. И запреты, и ограничения носят императивный характер и предусматривают процессуальные санкции за их нарушение. Ключевое отличие запретов от ограничений заключается в том, что запреты предписывают воздержаться от совершения конкретных действий, а ограничения наоборот – возлагают конкретную обязанность на осуществление какой-либо активности.
2. Домашний арест по УПК РФ со ссылкой на ст. 105.1 предусматривает только запреты, в то время как ст. 110 УПК РТ допускает возможность применения как запретов, так и ограничений. С учетом этого представляется целесообразным разграничить право ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 110 УПК РТ, на запреты и ограничения и с учетом этого изложить данную норму в усовершенствованной редакции. Это позволит улучшить юридическую технику использования понятийного аппарата в уголовно-процессуальном законе Республики Таджикистана.
3. Абзац 7 ч. 2 ст. 110 УПК РТ предусматривает, что при домашнем аресте могут применяться иные (помимо перечисленных в той же статье выше) меры, целью которых является обеспечение надлежащего поведения лица, а равно его изоляции от общества. При этом в норме не конкретизируются эти другие меры, что позволяет сделать вывод, что они носят открытый характер. Представляется, что такой подход законодателя является недопустимым при реализации такой меры пресечения, как домашний арест, которая существенно вторгается в сферу конституционных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию, но тем самым доказывает необходимость введения в действие новой меры – запрета определенных действий.
4. Анализ мер правоограничительного характера, связанных с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста, позволяет заключить, что в УПК РФ порядок применения данной меры является более проработанным, чем в УПК РТ, что, на наш взгляд, следует принять во внимание законодателю в Таджикистане.
5. В УПК РТ отсутствует аналог такой меры пресечения по УПК РФ, как запрет определенных действий. Данная мера с учетом проведенного анализа, включая и статистику ее применения в России, видится весьма эффективной. Поэтому считаем необходимым предложить таджикскому законодателю рассмотреть возможность ее заимствования для включения в УПК РТ.

Библиография

1. Ахминова, Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2017. 181 с.
2. Белкин, А. Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? / А. Р.

- Белкин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 2. – С. 43-50.
3. Брусницын, Л. В. О зачете времени ограничения свободы при применении мер пресечения: запрета выходить из жилого помещения, домашнего ареста и заключения под стражу / Л. В. Брусницын // Уголовное право. – 2018. – № 5. – С. 105-106.
4. Вастьянова, О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.
5. Гришин, А. В., Халимов, А. И. Домашний арест в Российской Федерации и Республике Таджикистан / А. В. Гришин, А. И. Халимов // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: Сборник статей. Материалы регионального круглого стола и всероссийской заочной научно-практической конференции, Орел, 01 июня – 12 2017 года / Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2017. – С. 253-259.
6. Искандаров, Ш. Ф., Исозода, П.А., Зиеваддинов, И. И. Асосҳои маҳдуднамоии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар муҳофизати ҳақҳои ҳамаҷонибаи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон / Ш. Ф. Искандаров, П. А. Исозода, И. И. Зиеваддинов // Законодательство. – 2022. – No. 2(46). – С. 35-41.
7. Кузнецова, Ю. В. Актуальные проблемы домашнего ареста как меры пресечения / Ю. В. Кузнецова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 83-4. – С. 30-32.
8. Қобилов, Б. Қ. Низоми ҷораҳои пешгирӣ тибқи Кодекси муҳофизати ҳақҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон / Б. Қ. Қобилов // Законодательство. – 2021. – No. 1(41). – Р. 109-113. – EDN TXZMJT.
9. Назарзода, Р. Г. Генезис мер пресечения в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан / Р. Г. Назарзода // Юридический вестник. – 2021. – № 1(5). – С. 72-75.
10. Сарбаева, Т. А. О положительных моментах регламентации домашнего ареста в законодательстве некоторых стран постсоветского пространства (Республика Казахстан, Республика Украина и Республика Таджикистан) / Т. А. Сарбаева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2017. – Т. 27, № 5. – С. 151-154.
11. Судницын, А. Б. Запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ): теория и практика применения : методические рекомендации / А. Б. Судницын. – Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 24 с.
12. Хакимзода, А. Х. Особенности избрания и применения мер пресечения в виде присмотра и запрета определенных действий в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации) / А. Х. Хакимзода // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. № 2. – С. 239-243.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, правовые ограничения, допустимые при избрании домашнего ареста и запрета определенных действий по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Сфера уголовного судопроизводства, в которой проявляются публичные начала, традиционно стоит на страже интересов общества и государства. По этой причине данная сфера правоотношений связана с применением принудительных мер, которые обеспечиваются властными полномочиями соответствующих государственных органов. Круг таких мер в любом случае носит ограничительный характер с точки зрения прав тех участников уголовного процесса, в отношении которых они применяются. Тем не менее, степень таких ограничений не может носить произвольный характер и поэтому строго регламентирована нормами права как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан. В Основном законе России определено, что круг прав и свобод может подлежать ограничению только на основании специально принятого закона и только в общественно полезных целях или же для обеспечения безопасности государства (ст. 55 Конституции Российской Федерации). Аналогичное положение содержится и в ст. 14 Конституции Республики Таджикистан. Особенно существенным образом ограничительный характер государственного принуждения в сфере уголовно-процессуальных правоотношений проявляется в институте мер пресечения, применяемых к тем участникам уголовного процесса, в отношении которых осуществляется уголовное преследование" и др. Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Вопросами и имеющимися проблемами правоприменения при избрании мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве занимались: Н.С. Алексеев, И.А. Антонов, В.П. Божьев, В.М. Быков, В.В. Вандышев, М.Х. Гельдибаев, Л.В. Головкин, А.П. Гуляев, П.М. Давыдов, Н.В. Жогин, З.З. Зинатуллин, К.Б. Калиновский, Э.К. Кутуев, В.С. Латыпов, О.В. Логунов, В.Т. Томин, М.С. Строгович и др. Проблемами института мер пресечения в Республике Таджикистан занимались: И. Алимбаев, А.В. Гришин, Ш.Ф. Искандаров, П.А. Исозода, И.И. Зиеваддинов, Е.Д. Камолова, А.М. Маджитов, Н.С. Манова, С.Х. Нуриддинов, Ф. Лоуренс, К. Осмоналиев, Ю.В. Францифоров, А.Х. Хакимзода, А.И. Халимов и др."

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Что касается УПК РТ, то ч. 2 ст. 110 УПК РТ предусматривает следующие право ограничения, которые могут применяться как все вместе, так и по отдельности: - запрет покидать жилище как постоянно, так и в конкретные временные отрезки; - запрет на пользование средствами связи, включая телефонную с почтовую связь; - запрет на общение с определенными людьми и недопустимость их пребывания в жилище арестованного. Эти положения, на наш взгляд, действительно представляют из себя уголовно-процессуальные запреты, так как содержат в себе предписание подозреваемому и обвиняемому воздержаться от совершения конкретных действий. Однако иные положения, содержащиеся в той же ч. 2 ст. 110 УПК РТ, относятся уже не к запретам, а к ограничениям. Так, среди таких положений можно выделить: - обязанность постоянно иметь при себе электронные средства контроля; - обязанность являться в предписанное время для проверки в контрольный орган или же звонить в этот орган по телефону; - обязанность отвечать по телефону на звонки или другие сигналы, поступающие от контролирующего органа с целью проверки. Данные положения таджикского законодателя мы считаем относящимися к ограничениям, так как посредством них на лицо, к которому применяется домашний арест, возлагается дополнительная конкретная обязанность на осуществление каких-либо действий"; "Принимая во внимание сказанное, представляется целесообразным разграничить правоограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 110 УПК РТ, на запреты и ограничения и с учетом этого изложить данную норму в усовершенствованной редакции. Как видится, это позволило бы улучшить юридическую технику использования понятийного аппарата в уголовно-процессуальном законе Таджикистана. Именно такой подход будет исключать принцип альтернативности при

избрании меры пресечения, о возможности нарушения которого говорил еще А.Р. Белкин [2, с. 45]"; "В целом анализ мер правоограничительного характера, связанных с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста, позволяет заключить, что в УПК РФ порядок применения данной меры является более проработанным, чем в УПК РТ. В частности, ч. 1 ст. 107 УПК РФ содержит положение, согласно которому домашний арест может быть избран только тогда, когда нельзя избрать более мягкую меру пресечения. В УПК РТ такого условия нет, что свидетельствует о том, что лицо, ведущее расследование, может избрать домашний арест в любом случае, исходя из своего усмотрения. Кроме того, в ст. 107 УПК РФ имеется норма об особенностях избрания домашнего ареста в случае нарушения здоровья подозреваемого или обвиняемого. Для таких лиц местом нахождения при домашнем аресте может быть определено учреждение здравоохранения. В УПК РТ такие нормы отсутствуют" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует особенности запретов и ограничений при применении таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий в российском и таджикском уголовно-процессуальных законодательствах. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "К примеру, согласно статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688>) в 2023 году в России она была избрана в 7407 случаях, что на 1,25% больше, чем в предыдущем, 2022 году" - "статистике" (чему? - дат. падеж).

Ученый отмечает: "Также учитывая, что так как домашний арест по степени ограничений прав и свобод расположен выше заключения под стражу, то при избрании первого не могут быть применены более жесткие запреты" - "Кроме того, принимая во внимание, что домашний арест по уровню ограничений прав и свобод занимает более высокую ступень по сравнению с заключением под стражу, при выборе домашнего ареста не могут быть установлены более строгие запреты" (стилистические погрешности).

Автор указывает: "За время, прошедшее со введения запрета определенных действий в УПК РФ, эта мера стала достаточно применяемой" - "За время, прошедшее со введения запрета определенных действий в УПК РФ, эта мера стала достаточно применяемой" (вторая запятая является лишней).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 12 источниками (диссертационными работами и научными статьями и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Структурообразующими элементами мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, как и других мер пресечения по уголовно-процессуальному законодательству

России и Республики Таджикистан, являются запреты и ограничения прав подозреваемого и обвиняемого. И запреты, и ограничения носят императивный характер и предусматривают процессуальные санкции за их нарушение. Ключевое отличие запретов от ограничений заключается в том, что запреты предписывают воздержаться от совершения конкретных действий, а ограничения наоборот – возлагают конкретную обязанность на осуществление какой-либо активности. 2. Домашний арест по УПК РФ со ссылкой на ст. 105.1 предусматривает только запреты, в то время как ст. 110 УПК РТ допускает возможность применения как запретов, так и ограничений. С учетом этого представляется целесообразным разграничить право ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 110 УПК РТ, на запреты и ограничения и с учетом этого изложить данную норму в усовершенствованной редакции. Это позволит улучшить юридическую технику использования понятийного аппарата в уголовно-процессуальном законе Республики Таджикистана. 3. Абзац 7 ч. 2 ст. 110 УПК РТ предусматривает, что при домашнем аресте могут применяться иные (помимо перечисленных в той же статье выше) меры, целью которых является обеспечение надлежащего поведения лица, а равно его изоляции от общества. При этом в норме не конкретизируются эти другие меры, что позволяет сделать вывод, что они носят открытый характер. Представляется, что такой подход законодателя является недопустимым при реализации такой меры пресечения, как домашний арест, которая существенно вторгается в сферу конституционных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию, но тем самым доказывает необходимость введения в действие новой еры – запрета определенных действий" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса и международного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении работы.